

Лин Цэ вернулся от сельского фельдшера, сжимая в руке помятый бумажный сверток, в котором лежали две пластинки белых таблеток.

Северный ветер пробирал до костей, отчего у него покраснели уши. Когда он вошел в дом, от него еще веяло холодом. Едва приподняв занавеску, он услышал приглушенные голоса: Су Вань напевала Туаньцзы колыбельную, и мелодия звучала очень мягко.

— Вернулся? — Су Вань, заметив его, поспешно встала. Туаньцзы на её руках уже спал, но его маленькие брови были слегка нахмурены — видимо, простуда еще не отступила.

Она потянулась было к свертку в руках Лин Цэ, но тут же вспомнила, как несколько раз до этого он брезгливо отстранялся от её грязных рук. Кончики её пальцев замерли в воздухе, а затем она тихонько отдернула их.

Лин Цэ всё заметил, и у него на душе стало тяжело.

Он ничего не сказал, прошел к кровати и осторожно положил сверток на маленький деревянный ящик у изголовья. Этот ящик был приданым Су Вань: краска с него почти облезла, замок проржавел и не открывался, а внутри хранились лишь старые вещи Туаньцзы.

Лин Цэ присел на корточки и, вглядываясь в лицо ребенка при тусклом свете из окна, заметил, что жар, кажется, спал, а дыхание стало ровнее.

— Врач сказал давать по полтаблетки утром и вечером, запивая теплой водой, — проговорил Лин Цэ, разворачивая сверток и высыпая половинку таблетки на ладонь. — Как проснется, покорми её.

Су Вань кивнула. Её взгляд, прикованный к лекарству на его ладони, был полон боли. Она знала, что это лекарство стоит недешево: сельские врачи редко продавали такие заграничные препараты. В прошлый раз, когда болел Гоудань из соседнего дома, его мать полдня умоляла доктора, прежде чем смогла купить одну пластинку за пятьдесят копеек.

Поколебавшись, она не удержалась и спросила:

— Сколько... сколько стоило это лекарство?

Лин Цэ поднял на неё глаза и увидел в её взгляде робость — она боялась, что, потратив деньги, навлечет на себя его гнев.

Он вспомнил предыдущие циклы, когда отдавал все свои пособия Линь Вэй, приехавшей из города, на покупку крема для лица, в то время как Су Вань жалела пяти копеек на баночку масла, из-за чего её руки зимой покрывались кровавыми трещинами, но она всё равно терпела боль, скручивая веревки из травы, чтобы обменять их на еду.

— Немного, — Лин Цэ отвел взгляд и добавил тише: — Я потратил пособие за этот месяц, не беспокойся.

Су Вань больше не стала расспрашивать. Она опустила голову и принялась гладить Туаньцзы по волосам, а длинные ресницы скрыли выражение её глаз.

Лин Цэ встал и принялся внимательно осматривать дом, в котором жил уже тринадцать раз, но никогда по-настоящему не замечал.

Землянка была небольшой, всего одна комната, разделенная занавеской на спальный уголок и зону, где стояла плита и обеденный стол.

Печь была вылеплена из желтой глины и покрыта толстым слоем пыли. Лишь черная чугунная кастрюля выглядела сносно, если не считать щербин на краю — след его же гнева, когда он разбил её в прошлый раз.

У обеденного стола не хватало ножки, и вместо неё подложили камень. Столешница была исчерчена глубокими бороздами — вероятно, Туаньцзы рисовала на ней веточкой.

Он прошел за занавеску. Там было еще теснее.

Деревянная кровать занимала почти всё пространство. Тонкий матрас из грубой ткани был таким ветхим, что сквозь него чувствовались доски, а старое одеяло, сплошь состоящее из заплат, набито сбившейся в комья ватой и казалось жестким, как камень.

Под кроватью стояли два старых ящика: один — приданое Су Вань, другой — привезенный им самим из города. В последнем, кроме нескольких выцветших рубашек, лежала лишь потрепанная книжка с цитатами великого вождя.

Лин Цэ опустился на колени и открыл свой ящик, ощупывая дно. Он помнил, что в прошлые разы, собираясь сбежать с Линь Вэй, он прятал деньги на дорогу в двойном дне этого ящика.

Действительно, пальцы нащупали расшатанную дощечку. Нажав на неё, он открыл тайник. Внутри лежала пачка денег, завернутая в платок, и аккуратно сложенное письмо.

Развернув платок, он увидел тридцать пять юаней и несколько продуктовых карточек. В эпоху, когда мороженое стоило пару копеек, тридцать пять юаней были огромной суммой — семье хватило бы на два месяца жизни.

Эти деньги он копил втайне. Когда Су Вань просила пятьдесят копеек на соль, он всегда обзывал её транжирой, но при этом умудрялся откладывать такие суммы, чтобы сбежать с Линь Вэй.

Лин Цэ взял письмо. На конверте было написано: Дорогой товарищ Линь Вэй. Почерк был небрежным, но выдавал нетерпение.

Он вскрыл конверт. Письмо было помятым, а содержание заставило его кровь закипеть: Вэйвэй, я давно сыт по горло этой деревенской бабой Су Вань и её отродьем. Как только накоплю достаточно денег, заберу тебя в город и больше никогда не вернусь в эту дыру... Не волнуйся, с Су Вань мы женаты только на бумаге, в моем сердце есть только ты...

Дальше Лин Цэ читать не стал. Он так сильно сжал листок, что костяшки пальцев побелели.

Все тринадцать раз до этого он брал это письмо, садился в поезд вместе с Линь Вэй и бросал Су Вань с ребенком в этом нищем доме, обрекая их на голод и пересуды.

— Ты... что ты там читаешь? — Су Вань подошла незаметно и остановилась за занавеской, её голос дрожал.

Она увидела деньги и письмо у него в руках, и лицо её мгновенно побледнело. Она узнала почерк на конверте — это было имя Линь Вэй. Она знала, что Лин Цэ копил деньги, но не ожидала, что их так много, и что он написал такое письмо.

Лин Цэ поднял на неё взгляд. Её глаза покраснели, губы побелели от укусов, она была готова заплакать.

Его сердце дрогнуло. Он поспешно встал, сжимая письмо в руке, и сказал:

— Ничего особенного, просто нашел кое-что.

С этими словами он подошел к печи, зажег спичку, раздул огонь и бросил письмо в пламя.

Бумага мгновенно вспыхнула. Черный пепел поднялся с потоком горячего воздуха и осел в золе, исчезнув без следа.

Су Вань застыла, широко открыв глаза. Она не могла поверить в происходящее. Она была уверена, что Лин Цэ, как и говорили люди в деревне, заберет деньги и уйдет к Линь Вэй навсегда, но он сжег письмо...

— Эти деньги, — Лин Цэ протянул тридцать пять юаней и карточки Су Вань, его голос звучал твердо, — пойдут на нужды семьи. Купи Туаньцзы что-нибудь питательное, а себе — новый ватник. Скоро зима, а твой совсем тонкий.

Су Вань посмотрела на деньги, потом на лицо Лин Цэ, и слезы хлынули из её глаз.

За эти годы она натерпелась столько, что и не сосчитать. Люди в деревне называли её дурой, говорили, что Лин Цэ рано или поздно уйдет, но она всё равно тешила себя надеждой, что он остепенится и у них будет настоящая семья.

Теперь, когда он сжег письмо Линь Вэй и отдал ей накопленное, она вдруг почувствовала, что все эти годы страданий были не напрасны.

— Я... я не могу взять, — Су Вань вытерла слезы и покачала головой. — Это твои деньги, оставь себе. Мы с дочкой как-нибудь проживем.

Лин Цэ понимал: она боится, что он передумает и снова решит уйти.

Он вложил деньги ей в руку, и голос его стал еще мягче:

— Бери. Эти деньги изначально принадлежали нашей семье. Раньше я вел себя плохо и заставлял тебя с Туаньцзы страдать, но больше этого не будет.

Су Вань сжала деньги, чувствуя тепло бумажных купюр, и её сердце наполнилось чем-то светлым и теплым. Она подняла голову, посмотрела в глаза Лин Цэ и, увидев в них решимость — без тени обмана, — наконец кивнула и прошептала:

— Спасибо тебе, А Цэ.

Лин Цэ улыбнулся. Впервые с момента появления в этом мире улыбка была искренней.

Он оглядел бедный дом, посмотрел на деньги в руках Су Вань, и в его голове созрел план: на эти тридцать пять юаней он начнет маленькое дело, чтобы улучшить их жизнь. Он сделает так, чтобы Су Вань и Туаньцзы жили в достатке, и заставит тех, кто смотрел на них свысока, изменить свое мнение.

В этот момент в его голове раздался слабый электронный писк. Хотя звук был приглушен, он отчетливо почувствовал, как Система 7576 шлет экстренные предупреждения: Внимание! Исполнитель задания Лин Цэ уничтожил письмо о побеге! Нецелевое использование средств для возвращения в город! Коэффициент коррекции мировой линии упал до 25%! Хранитель порядка Управления зафиксировал координаты мира, прибытие ожидается через 24 часа!

Лин Цэ не обратил на это никакого внимания. Сейчас он думал лишь о том, как обустроить быт и порадовать своих близких.

Он понимал: Хранитель порядка скоро прибудет, и тяжелого боя не избежать, но он не отступит.

Этот дом он сбережет. Су Вань и Туаньцзы он защитит.

Он подошел к жене, глядя, как она бережно прячет деньги в тайник в ящике, и, видя её робкую улыбку, дал себе слово: в этот раз он наполнит этот нищий дом жизнью, уютом и звонким смехом.

<http://bllate.org/book/18630/1793894>